

И немцы тоже строили

Все дальше и дальше уходят те годы, когда наша Родина возрождалась после войны. Когда поколение, родившееся в войну и после нее, поднимало разрушенное народное хозяйство.

После битвы под Москвой

Строить и укреплять горнодобывающий городок пришлось оставшимся без мужей, отцов и братьев вдовам, подрастающему поколению, старики. Рабочих рук не хватало. Вскоре в Асбест стали привывать политические осужденные. В северной части города началось строительство лагерей. Помню, возвели заключенные лагерь недалеко от поселка Новоокуневского. Строили и зону с бараками, в которой впоследствии размещали людей, прибывающих по договору или так называемой "вербовке". Лагерь был окружен забором с колючей проволокой, стояли вышки с часовыми, по периметру забора бегали овчарки.

После битвы под Москвой, по рассказам отца, в город стали привывать пленные немцы, охранять которых пришлось и ему. Я был патроном, но видел своими глазами пленных, как они строили казармы и дома в городе. Здания на улице Уральской, дома, ограничивающие улицы Лесная (старое наименование) и 8 Марта, шикарный Дворец культуры, а ныне Центр культуры и досуга - их произведения.

Материала для строительства было достаточно: вокруг города размещались каменные отвалы, стоял ветковый лес. Древесина шла на стройку и на заготовку дров. Тогда половина жителей города дровами топила печи.

Доставляли сырье по узкоколейке, которую проложили немцы, на поезде, состоящем из платформ и паровоза "кукушки", названного в народе так из-за характерного звука, издаваемого при движении. Узкоколейная железная дорога проходила через поселок Пролетарка до "Теплого Ключа" и до реки Печорка. В районе Печорки и на месте, где

теперь стоит Рефтинская ГРЭС, пленные валили лес. Многие из них на этих делянках и нашли свой последний приют.

В конце пятидесятых в городе случился большой пожар. Дома, построенные из деревянных брусьев, выгорели дотла, а каменные, сложенные немцами, уцелели. Нет теперь и стадиона "Строитель", парка им. Горького с его танцевальной площадкой, тех мест, где любила собираться молодежь. Вечерние танцы под баян и гитару, редко под патефон, согревали душу асбестовцам, пережившим холод и голод...

Неожиданная встреча

Пишу эти строки, и мне до слез жаль разлуки с моей родиной. По семейным обстоятельствам пришлось покинуть родные края. Много лет я жил недалеко от высочайшей горы Европы - Эльбруса. Часто бывал на ее склонах, любовался природой гор, сосновым лесом, покрывшим предгорье. Лес напоминал мне Урал.

В конце семидесятых годов в эти места часто приезжали туристы из стран Варшавского договора: Германии, Польши, Чехословакии, Болгарии, Венгрии. В одном из походов к Эльбрусу и произошла моя встреча с немецким туризмом.

Очередь на канатную дорогу, которая шла на гору Чегет, была длинной. Люди в очереди вели беседы на разных языках. Все стремились попасть на гору, с которой хорошо виден двуглавый Эльбрус. Я стоял за пожилым человеком с рыжеватыми волосами и шрамом на правой щеке. С виду немец... и я не ошибся. Подниматься по "канатке" выпало в паре с этим человеком. Усаживаясь, я помог положить

тяжелый рюкзак ему на колени. Он по-немецки поблагодарил меня, на что я ему ответил: "Bitte".

- Знаешь немецкий? - удивленно спросил он.

Немецкий я изучал в институте. Легко понимал, что говорят на иностранном, да и сам немного умел изъясняться. Мой сосед, видя, что заговорив на русском, меня удивил, сам решил рассказать о себе, путая русские слова с немецкими.

- Иоган Хемис, - представился он, но руки не подал. - Я приехал сюда по путевке, которую мне дали в министерстве культуры ГДР за мою работу. Но у меня есть и другая цель. В этих местах воевал мой дядя. Был пленен в городе Куйбышев. Он мне много рассказывал о Кавказе, описывал красоту здешних мест. Вот и я решил увидеть ее своими глазами...

Мы прибыли на место туристической стоянки. Я помог ему надеть рюкзак, и мы прошли еще немного вверх. Группа туристов из ГДР расположилась среди небольших скальных глыб, обросших мхом. Было время обеда. Они стали доставать из своих рюкзаков консервы и прочий провиант. Пока одни организовывали обед, другие фотографировали горные пейзажи, снежные вершины Эльбруса. Я же с собой ничего не взял, знал, что при желании перекусить можно и в кафе.

Отобедав, я решил пройти дальше по тропе, подышать горным воздухом, насладиться солнцем. Уйдя от стоянки дальше, я услышал окрик моего попутчика:

- Иди к нам, мой друг, - я понял и подошел. - Садись, пожалуйста, к нам, покушай.

От угощений я отказался. Поблагодарив их за гостеприимство, похвалил, что оделись по погоде.

- Мы знали, что здесь не такая погода, как в Сибири или на Урале,

Мы создавали историю

- сказали они.

- Вы были в тех краях? - спросил я изумленный.

- О, да! Я был в плену в городе Асбесте. Не знаю, слышал ли ты о таком? Многих из нас туда отправляли после похода на Москву.

После этих слов меня бросило в жар. О том, что я родился и вырос в Асбесте, промолчал. О жизни в плену Иоган рассказывал в основном то, что я уже знал, но все же было интересно:

- Это небольшой город. Лагеря у нас готового не было, строили сами недалеко от карьера и склада камней (он имел в виду отвалы - авт.). Есть тоже было нечего. Нас постоянно охраняли. Построив железную дорогу, пустили по ней маленький поезд. Закрепившись за Красным Крестом и Конвенцией, легче стало жить, какую-никакую еду давали.

Он четко помнил поселок Пролетарку, карьер, в котором им приходилось добывать асбест, улицу Февральскую и бани в конце улицы, которую сначала они построили, а потом и мыться туда ходили. Назвал и лагерь "Теплый ключ", в который их отправляли на лесозаготовки. Жили они в казарме, наполовину зарытой в землю. Он все время говорил, что выжил только потому, что их подкармливали наше сердобольное голодное население. Когда им стали поступать одежда и постельное белье, они меняли посылки на еду.

Собираясь с мыслями, он долго молчал. Я понимал, что говорить о многом, что происходило с ним, трудно.

- Много пришлось похоронить тех, кто работал со мной, - продолжил Иоган свой рассказ. - Зимой хоронили прямо там же, где валялись деревья. Земля была мерзлой, и трупы зарывали прямо в снег. Никаких опознавательных знаков не было - общая могила.

Привет из прошлого

Здесь я не выдержал и открылся. Рассказал, что родился и вырос в Асбесте. Услышав эти слова, он вскочил на ноги и на немецком

крикнул своим товарищам: "Я встретил человека, который был со мной в плену! Он там жив!"

Нас окружили туристы. Расчувствовавшись, Иоган совсем стал путаться в словах. Он видел во мне тот город, тех людей, кто помогал ему выжить. Взял меня за руку и долго не отпускал. По очереди все стали подходить и класть свои руки на наше рукопожатие.

Мне было пора возвращаться в город. Я стал спешить, но Иоган продолжал держать мою руку:

- Если будешь на родине, узнай о тех, кто остался там после плены, - чуть шепотом произнес он. - Несмотря на трудности и утраты, многие из нас остались жить в Асбесте. Я уехал. Меня ждали дети. Я знаю, что вы нас ненавидите, но я не виноват, это все Гитлер. Он испортил нас, немцев, и весь наш народ.

- Не переживай, Иоган, думаю, нас никто и никогда больше не испортит! - ответил я ему.

Он проводил меня до "канатки"... Прощаясь со мной, он назвал несколько фамилий немцев, с которыми он работал, и потерял связь с ними после войны: Гартвиг, Миллер, Руф, Эберле, Кооп, Авербах, Шиффер.

Не знаю, живут ли в городе сейчас люди с такими фамилиями. Помню только, что в свое время Кооп был директором школы № 30, Руф играл в сборной города по футболу, Гартвиг работал в карьере. А, может быть, они просто однофамильцы?

...Кто знает, может, я в сороковые, будучи патроном, встречал Иогана в Асбесте, может, видел его и мой отец, охранявший пленных, но наша встреча на Кавказе - не случайность. Это привет из прошлого.

Григорий КОЧНЕВ.
Ставропольский край.